

Миклухо-Маклай Н. Н.

**ПУТЕШЕСТВИЯ
НА НОВУЮ ГВИНЕЮ**

ТОМ 2

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Путешествия на Новую Гвинею (Дневники путешествий 1872—1875). Том 1

Серия «Путешествия вокруг света»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28536764

Путешествия на Новую Гвинею (Дневники путешествий 1872—1875):

Т. 1. / Миклухо-Маклай Н. Н.: Мир книги, Литература; Москва; 2008

ISBN 978-5-486-02680-5, 978-5-486-02652-2

Аннотация

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) выдающийся русский путешественник, этнограф, изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. В данной книге он очень интересно и увлекательно рассказывает о своем путешествии на северо-восточный берег Новой Гвинеи (ныне берег Миклухо-Маклая), о жизни, обычаях и нравах папуасов, населяющих этот остров.

Содержание

Николай Николаевич Миклухо-Маклай	4
Почему я выбрал Новую Гвинею	19
Берег Маклая на Новой Гвинее	27
Первое пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее	27
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Николай Николаевич
Миклухо-Маклай
Путешествия на
Новую Гвинею
(Дневники путешествий
1872–1875): Том 1**

**Николай Николаевич
Миклухо-Маклай
(1846–1888)**

Николай Николаевич Миклухо-Маклай – знаменитый русский путешественник, совершивший ряд экспедиций на неисследованную до этого Новую Гвинею и другие острова Тихого океана, исследователь первобытной культуры, собравший богатейшие материалы о первобытных народах. Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 17 июля 1846 г. в селе Рождественском, близ города Боровичи Новгородской губернии. Его отец – Николай Ильич Миклуха –

был инженер-капитаном, а прадед Степан – хорунжим одного из казачьих малороссийских полков, отличившегося при взятии Очакова в 1772 г. Мать его Екатерина Семеновна тоже была из военной семьи. У Николая Ильича Миклухи было четыре сына и дочь. Николай Николаевич был вторым. Все дети носили фамилию отца. Но Николай Николаевич с юношеских лет стал называть себя Миклухо-Маклаем. Отец Миклухо-Маклая умер, когда мальчику было 11 лет. При жизни отца он учился дома. После смерти отца мать отдала его в школу в Петербурге, а затем он был переведен во 2-ю петербургскую гимназию.

Гимназии Н. Н. Миклухо-Маклай не окончил; из-за частых недоразумений с учителями и препирательств с ними он был вынужден уйти из 6-го класса. В 1863 г. семнадцатилетний Н. Н. Миклухо-Маклай поступил вольнослушателем Петербургского университета по отделению естественных наук физико-математического факультета, откуда весной 1864 г. был уволен «за неоднократные нарушения правил, установленных для вольнослушателей».

Для продолжения образования Н. Н. Миклухо-Маклай выехал за границу. В течение двух лет он слушал физиков и натуралистов и отчасти юристов и философов в Гейдельбергском университете. В Лейпциге Н. Н. Миклухо-Маклай усердно занимался на медицинском факультете анатомией, одновременно слушая лекции по естественным наукам и на других факультетах. Интерес к сравнительной анатомии у

него сохранился на всю жизнь. Даже всецело отдавшись изучению первобытных народов, он не оставлял анатомических работ. Свое медицинское образование Н. Н. Миклухо-Маклай продолжил в Иене, где посещал лекции знаменитого Эрнста Геккеля, тогда еще молодого профессора зоологии, оказавшего на него благотворное влияние в развитии самостоятельных научных изысканий.

Завершив свое естественно-историческое образование, Н.Н.Миклухо-Маклай отдался изучению широчайших научных проблем, посвященных происхождению жизни, развитию видов, законам эволюции органического мира. Вместе с Э. Геккелем, ассистентом которого он стал в 1866 г., он совершил свое первое путешествие на Канарские острова. Здесь он занимался анатомией губок и изучением мозга хрящевых рыб. Возвратившись из экспедиции в 1867 г., Н. Н. Миклухо-Маклай вел сравнительно-анатомические работы в Мессине, куда отправился с доктором Дорном, пропагандистом организации морских зоологических станций. В 1869 г. Н. Н. Миклухо-Маклай совершил поездку по берегам Красного моря, собирая материал для своих больших обобщений. Во избежание преследования со стороны арабов Н. Н. Миклухо-Маклай преобразился в мусульманина: он обрил голову, окрасил лицо, надел арабский костюм, приобрел некоторое знакомство с языком и внешними мусульманскими обычаями. В этом виде он и странствовал по коралловым рифам Красного моря с микроскопом, один, подвергаясь многим

лишениям и опасностям. Приходилось выносить температуру более 35°, лихорадку, скорбут и, в довершение всего, голод. Но, несмотря на все это, Н. Н. Миклухо-Маклаю удалось собрать богатые зоологические и сравнительно-анатомические материалы. Вскоре он направился в Константинополь и Одессу, посетил южный берег Крыма и побывал на Волге, собирая материалы по анатомии хрящевых рыб. Отсюда он приехал в Москву на 2-й съезд русских естествоиспытателей и врачей, где выступил с докладом о необходимости организации русских зоологических и биологических станций на Черном, Балтийском, Каспийском и Белом морях, на Волге и других реках. Эта идея Н. Н. Миклухо-Маклая на съезде встретила сочувствие. Вскоре стали появляться русские зоологические станции. Но полностью широкий план научных исследований, предложенный Н. Н. Миклухо-Маклаем, не был осуществлен из-за отсутствия средств.

Из Москвы Н. Н. Миклухо-Маклай прибыл в Петербург и был радушно принят в Академии наук, где ему предложили заняться коллекцией губок из богатых академических собраний. На заседании Русского географического общества в Петербурге Н. Н. Миклухо-Маклай сделал доклад об особенностях Красного моря, о его фауне, характере берегов и быте населения. Тогда же у него созрела идея путешествия на обширные территории островов Тихого океана для изучения быта и нравов первобытных народов. Она отвлекала Н. Н. Миклухо-Маклая от обработки огромных собранных

им естественно-исторических материалов. Но для него «поле научных наблюдений» все еще оставалось «белым», неисследованным. Ни лично собранные материалы, ни академические коллекции не казались ему достаточными для увлекавших его грандиозных обобщений. Молодой и энергичный путешественник, одержимый стремлением дать науке все новые и новые богатства фактического материала, рвется в «поле», которым на этот раз для него является Тихий океан.

«Выбирая в 1868 г. ту часть земного шара, которой предполагал посвятить свои исследования, — пишет Н. Н. Миклухо-Маклай в своем сообщении Русскому географическому обществу в 1882 г., — я остановился на островах Тихого океана и преимущественно на Новой Гвинее, как острове наименее известном... имея в виду, главным образом, цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 г., еще не была посещена белыми. Такою местностью был северо-восточный берег Новой Гвинее, около бухты Астролябия». Его Н. Н. Миклухо-Маклай назвал: «Берег Маклая». Объясняя причины, в силу которых он оставил зоологию и эмбриологию и посвятил себя этнологии, Н. Н. Миклухо-Маклай пишет: «Все-таки почел за более важное: обратить мое внимание на status praesens житья-бытья папуаса, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи. Те же райские птицы и бабочки будут летать над Новой Гви-

неей даже в далеком будущем».

27 октября 1870 г. из Кронштадта вышел в кругосветное плавание русский военный корвет «Витязь». На нем отправился в далекое путешествие и Н. Н. Миклухо-Маклай. Путь «Витязя» лежал через Магелланов пролив, и это дало возможность Н. Н. Миклухо-Маклаю заняться научными наблюдениями в разных пунктах Атлантики и Тихого океана. В сентябре 1871 г. Н. Н. Миклухо-Маклай прибыл на северо-восточный берег огромного (785 000 квадратных километров) пустынного острова Новая Гвинея в бухту Астролябия, где и поселился в небольшой хижине с двумя слугами.

Н. Н. Миклухо-Маклай был встречен туземцами-папуасами враждебно. Они указывали ему жестами на море, требуя его удаления. «Доходило, – писал Н. Н. Миклухо-Маклай, – даже до того, что они почти ежедневно, ради потехи, пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня». Но уже скоро папуасы его так полюбили, что, когда за ним в декабре 1872 г. пришел русский военный корвет «Изумруд», туземцы не пускали его и уговаривали остаться у них навсегда; они водили его по деревням, заявляли о своей дружбе, обещали построить для него новый дом вместо хижины, развалившейся к этому времени, предлагали в жены любую девушку. Н. Н. Миклухо-Маклай обещал своим новым друзьям вернуться. «Обдумав совершенно объективно все обстоятельства своего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, – пишет Н. Н. Миклу-

хо-Маклай, — я пришел к заключению, что хорошим результатом сношений с дикарями я обязан, главным образом, своей сдержанности и терпению». Правдивость Н. Н. Миклухо-Маклая, его внимательная дружелюбность к папуасам поразили и очаровали их, и они решили, что он — особый человек, «каарам-тамо», что значит «человек с Луны». Его родину, Россию, они тоже считали находящейся на Луне.

Искренний друг первобытных людей, Н. Н. Миклухо-Маклай, живя с папуасами, оставался все время самим собой, культурным европейцем, ученым. Поселившись на берегу, между двумя деревнями Горенду и Гумбу, Н. Н. Миклухо-Маклай жил в своей хижине Гарагаси независимо от туземцев. Но они все чаще и охотней посещали его. Когда им угрожала война с туземцами более отдаленных деревень, они приводили к нему своих жен и детей и оставляли их под его покровительством. Сближению с папуасами Новой Гвинеи много помогало Маклаю (так его звали туземцы) знание их языка; их язык он изучал удивительно терпеливо, тщательно, не позволяя себе никаких собственных выдумок относительно его звукового состава, грамматических форм и значения слов. Это было большим научным достижением, благодаря которому меланезийский язык папуасов впервые в его истинном виде стал известен европейской науке. Но Н. Н. Миклухо-Маклай изучил не только меланезийский язык папуасов вообще, к которому принадлежал язык папуасов берега Маклая, но также малайский язык, который помогал

ему пользоваться переводчиками-малайцами в сношениях с племенами Полинезии, Меланезии и Микронезии.

Не только знание языка и деликатное обращение с дикарями сближало Н. Н. Миклухо-Маклая с ними, но и близкое его участие в их жизни, не лишенной трагических моментов. Так, он добился прекращения междоусобных войн между отдельными группами дикарей. «Мое влияние на туземцев, – говорит Н. Н. Миклухо-Маклай, – оказалось так сильно, что мне удалось совершенно прекратить, на все время моего пребывания, постоянные междоусобные войны. Эти войны имеют более характер убийств... Войны страшно вредили всему населению, так что туземцы боялись отходить на несколько часов от своих селений. Вследствие своего авторитета, как «человека с Луны», я имел возможность положительно запретить войны и вскоре увидел хороший результат этого запрещения».

Н. Н. Миклухо-Маклай посетил Новую Гвинею пять раз. И неизменно он привлекал внимание и дружественные чувства населения этой части Меланезии. Однако на каждом новом месте приходилось быть настороже. Так, во второе путешествие на Новую Гвинею Н. Н. Миклухо-Маклай выбрал для высадки берег Папуа-Ковиай, о жителях которого между малайцами ходили самые ужасные рассказы, как о людоедах, морских пиратах, грабящих суда и поедающих матросов. Оставив здесь в своей хижине около 10 человек, Н. Н. Миклухо-Маклай с остальными людьми отправился в глубь

Новой Гвинеи. Когда он вернулся, все оказалось разграбленным местными папуасами берега Папуа-Ковиай, люди убиты, источники пресной воды отравлены. «Несмотря, однако, на этот неприятный эпизод, – писал Н. Н. Миклухо-Маклай, – я решил остаться на Новой Гвинее». В течение целого месяца он не оставлял намерения наказать главного зачинщика нападения. «Хотя человек этот, – говорит Н. Н. Миклухо-Маклай, – был втрое сильнее меня, но нервы мои оказались крепче, и мне удалось взять его в плен живым. Мое появление перед ним среди окружавших его дикарей было так неожиданно, что когда я приказал своим людям связать разбойника, то не встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов, которые даже помогли моим людям перенести остаток моих вещей и пленника на урумбай (парусную лодку с каютой)».

По существу папуасы берега Папуа-Ковиай, на котором поселился Н. Н. Миклухо-Маклай во второе путешествие на Новую Гвинею, были такие же мирные дикари, как и папуасы берега Маклая. Но европейцы и малайцы, посещавшие их и ведшие торговлю невольниками, изменили их мирный быт, посеяв среди них междоусобицу и взаимное истребление. В конце концов папуасы, жившие у берега, бросили свои хижины и плантации и обратились в водных кочевников, скитаясь в пирогах вдоль берегов. Воспользовавшись гостеприимством генерал-губернатора Лаудона, Н. Н. Миклухо-Маклай описал ему в полуофициальном письме бедственное положение

папуасов берега Папуа-Ковиай и недопустимое обращение с ними малайцев, ведущих торговлю невольниками, с тем чтобы голландское правительство приняло меры к искоренению торговли невольниками.

Н. Н. Миклухо-Маклай пытался бороться и против безжалостной эксплуатации папуасов трэдорами (купцами из белых европейцев) и деятельности тичеров, т. е. миссионеров, состоявших преимущественно из малайцев и занимавшихся, главным образом, торговыми операциями. Тичеры и трэдоры прививали первобытным людям дурные навыки – привычку к водке и табаку, распространяли среди них болезни и истребляли их, вывозили их в европейские колонии.

Когда Н. Н. Миклухо-Маклай впервые приехал на Новую Гвинею и поселился на берегу Маклая, он застал папуасов этой местности почти в первобытном состоянии. «Туземцы этого берега, – писал Н. Н. Миклухо-Маклай, – не находились до моего приезда в соприкосновении ни с белой, ни с малайскою расами», тогда как на других островах Меланезии папуасская раса являлась более или менее смешанной с другими расами. Папуасы берега Маклая в его время жили жизнью каменного века. Они не умели даже добывать огонь и всегда держали у себя костер или горящее бревно, зажженное когда-то от горящего дерева, полученного от малайцев или белых. Переселяясь и странствуя, они носили с собой горящее бревно. Вся семейная и общественная жизнь папуасов, описанная Н. Н. Миклухо-Маклаем, характерна своей

первобытной простотой, о которой писали и другие. Но в его описаниях нет ничего присочиненного, субъективного, тогда как в описаниях миссионеров и случайных путешественников есть значительная доля фантазии, выдумки, преднамеренного желания выделить папуасов как расу, самой судьбой обреченную на эксплуатацию и вымирание. Такое отношение к первобытным племенам возмущало и огорчало Н. Н. Миклухо-Маклая – человека большого сердца и искреннейшего друга первобытных народов. При каждом сколько-нибудь подходящем случае он подымал голос протеста против варварского отношения к ним, выступая на защиту первобытных людей.

Неустанно думая об их защите, помощи им, Н. Н. Миклухо-Маклай в то же время продолжал свои научные искания в области подлинной первобытной культуры, разных ее видоизменений от расовых смешений и под влиянием воздействия на нее европейской цивилизации. Он задался целью изучить антропологически всю меланезийскую группу в которую входят и папуасы. Курчавые волосы папуасов, в отличие от прямых волос малайцев, полинезийцев и микронезийцев, строение черепа, цвет кожи, рост и прочие антропологические признаки подверглись тщательному изучению Н. Н. Миклухо-Маклаем. Встретив в литературе указание на то, что у папуасов волосы растут не сплошь по всей голове, а пучками, оставляя голые безволосые пятна, Н. Н. Миклухо-Маклай решил проверить это указание, на основе ко-

торого противники принципа единства всего человеческого рода доказывали, что папуасы – «низшая раса», совершенно исключая вероятность поднятия их уровня развития до европейского. В результате тщательных наблюдений над характером роста волос у папуасов Н. Н. Миклухо-Маклай говорит: «Я убедился положительно, что у папуасов ни в каком возрасте особенной пучкообразной группировки волос не существует».

Тщательные антропологические искания Н. Н. Миклухо-Маклая были причиной его многочисленных путешествий по островам Тихого океана, материалы которых, даже в виде дневников, составили бы многотомное издание. Среди этих путешествий особенно замечательно знаменитое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая по Малайскому полуострову. Дневник первого путешествия (22/XI 1874 г. – 2/II 1875 г.) напечатан в русском издании Академией наук СССР. Это путешествие было связано с необыкновенными трудностями и огромными лишениями, но оно прославило имя Миклухо-Маклая по всему Индийскому и Тихому океанам. Н. Н. Миклухо-Маклай, делавший отличные зарисовки во всех своих путешествиях, оставил и от малайского путешествия много оригинальных зарисовок голов, фигур, построек и многого другого.

После своих утомительных путешествий Н. Н. Миклухо-Маклай неоднократно приезжал в Сидней на отдых. Здесь он в 1884 г. женился на Маргарите Робертсон; от этого брака

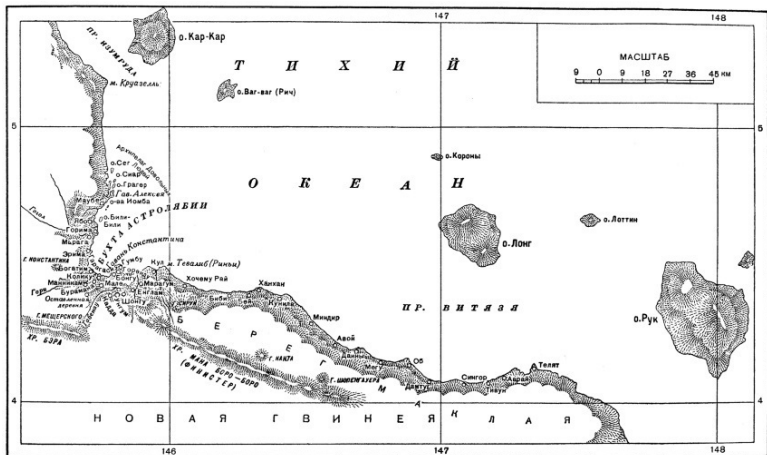
он имел двух сыновей: Александра-Нильса и Владимира-Оллана. В мае 1887 г., совсем больной, Н. Н. Миклухо-Маклай с женой и детьми приехал из Сиднея в Петербург. Здесь он и умер на 42-м году жизни 14 апреля 1888 г.

Дневники и отчеты о путешествиях, научных наблюдениях и лабораторных биологических исследованиях Н. Н. Миклухо-Маклая, его антропологические и этнологические коллекции являются богатейшим научным кладом, который ждет еще полного своего раскрытия: наследство Н. Н. Миклухо-Маклая еще даже не опубликовано полностью. Сам он успел опубликовать 76 работ, принесших ему широкую известность. Н. Н. Миклухо-Маклай был человеком большого научного кругозора, человеком большой идеи о правде и справедливости в царстве единого человеческого рода. Все привлекательно в Н. Н. Миклухо-Маклае как ученом: и научная страсть, и размах маршрутов, и высоконучное понимание первобытной культуры, как ранней стадии умственно-го и духовного развития человечества, через которую проходили все народы мира, и исключительно честное отношение Н. Н. Миклухо-Маклая к этим народам-детям. Но в детски-наивный мир жителей островов Тихого океана ворвалась из Европы «цивилизация». Н. Н. Миклухо-Маклай глубоко осознал это трагическое столкновение. «Цивилизованные» коммерсанты, торговцы невольниками и прочие эксплуататоры и угнетатели уничтожали последние следы человеческого достоинства папуасов и других «дикарей», безжа-

лостно истребляли их, навсегда разрушали стройный и цельный мир их первобытной культуры, лишая науку возможности вскрыть тайны ранней стадии человеческой цивилизации.

Н. Н. Миклухо-Маклай стремился предпринять ряд решительных действий, чтобы сохранить хотя бы папуасов берега Маклая до более благоприятного будущего, в которое он верил и не мог не верить. Н. Н. Миклухо-Маклай обратился к императору Александру III с просьбой взять берег Маклая под державный протекторат России и защитить папуасов от эксплуатации торговцев и угнетателей. Царь приказал образовать по этому делу специальный комитет. Комитет, однако, отказал Маклаю в его ходатайстве. Тогда он обратился к русской интеллигенции, еще не забывшей утопического «хождения в народ». Ее он призывал на Новую Гвинею создать добровольную колонию и быть среди папуасов честными и благодетельными носителями светлой человеческой культуры.

Мечты истинного энтузиаста науки, отдавшего жизнь идее равенства, свободы и дружбы народов, не могли быть осуществлены в условиях человеконенавистнического капиталистического общества.

Почему я выбрал Новую Гвинею

Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, почему я выбрал Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. д.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны, еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель – исследование первобытных народов – мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласен с моими желаниями повидать другие части света, и знания мои подходящи для такого предприятия. Занятия ана-

томией человека и медициной могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться.

Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации?

Между многочисленными островами Тихого океана о-ва Меланезии менее известны, чем остальные, хотя и представляют большой научный интерес. Среди них Новая Гвинея по своей величине и неизвестности играет первую роль. Величина острова в точности не определена. Господствуют два мнения – одно предполагает его поверхность равной 10 800 кв. миль, другое 13 000. Мы получим лучшее представление о размерах Новой Гвинеи, сравнивая их с расстояниями в Европе: длина ее равняется приблизительно расстоянию от Гибралтара до Амстердама, а наибольшая ширина – ширине Пиренейского полуострова между Валенсией и Лиссабоном или Парижем и Триестом¹.

Несмотря на то что Новая Гвинея открыта уже более трехсот лет тому назад, только некоторые из ее берегов известны европейцам благодаря посещению их мореплавателями различных национальностей. По сведениям, не вполне достоверным, Новая Гвинея открыта португальцем де Менезесом около 1526 г. Название «Новая Гвинея» было дано Тор-

¹ См. F i n s c h. NeuGuinea und seine Bewohner. Bremen, 1865, S. 12. Petermanns Geographische Mitteilungen, 1869, Taf. 20. – Звездочками обозначены примечания самого Миклухо-Маклая. – *Ред.*

ресом и Ортес де Рецом в 1545 г. во время их второго пла-
вания вследствие «темного и курчавого населения», которое
они нашли схожим с африканскими неграми. Однако у Бэра²
сказано, что Менезес был на острове, расположенном запад-
нее Новой Гвинеи, и что испанский мореплаватель Альвар
де Сааведра открыл северный берег Новой Гвинеи и, судя по
некоторым испанским источникам, он же дал название ост-
рову из-за внешнего сходства волос туземцев с неграми.

Здесь достаточно заметить, что наибольшую заслугу по
исследованию северо-восточных, северных и западных бе-
регов острова имеют голландские мореплаватели. Южный
берег описан англичанами. Восточный определен Дампи-
ером, открывшим мыс короля Вильямса, и обследован Дю-
мон д'Юрвилем, открывшим два значительных залива – Аст-
ролябии и Гумбольдта³. Внутренность острова и его природ-
ные богатства остаются еще неисследованными.

Англичанин Джукс⁴, говоря о Новой Гвинее, замечает,
что он не знает страны, изучение которой так бы льстило во-
ображению. По его мнению, исследование богатств внутрен-
ней части Новой Гвинеи, представляющее интерес для нату-
ралиста, этнолога, географа и для всех вместе, должно воз-

² K. V. B a e r. Ueber Papua und Alfuren, Mâm. de l'Acadâmie des Sciences de St. Pâtersbourg. Sixieme Sârie, Sciences Naturelles, t. VIII, 1859, p. 275.

³ W a i t z. Anthrop. d. Naturvölker. V, Heft Malayen. 1865, S. 1.

⁴ J u k e s. Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly», 1842–1846. London, 1847, v. I, p. 291.

наградить любопытство смелого путешественника.

Далее он замечает, что теперешние сообщения о внутренней части Новой Гвинеи подобны волшебным страницам из арабских сказок, таящих чудеса, которые в них сокрыты.

Уоллэс⁵, с своей стороны, указывает, что ни одна страна земного шара не имеет таких своеобразных новых и красивых произведений природы, как Новая Гвинея, а также, что она является самой большой *terra incognita*, которую остается исследовать естествоиспытателям. Путешествие Уоллэса объяснило нам распространение фауны в Малайском архипелаге и позволило сделать интересные выводы относительно геологической истории нашей планеты. Хотя Уоллэс и не исследовал Новой Гвинеи, но все же его работа пролила некоторый свет на фауну этого острова.

По его мнению, фауна Новой Гвинеи принадлежит к австралийской, но, будучи мало исследованной, не позволяет еще вынести окончательного суждения.

Представляя совершенно другие условия жизни, чем Австралия, и будучи страной преимущественно гористой, покрытой лесом, имея климат более жаркий и сырой, Новая Гвинея, несмотря на сродство фаун, вероятно, имеет такие значительные особенности, которые позволяют предполагать, что она является единственной страной, где могут скрываться вполне новые органические формы, Новая Гви-

⁵ A. R. Wallace. Der Malayische Archipel. Deutsche Ausgabe von Meyer. Braunschweig.

нея по своему положению является центральным звеном цепи в исследовании органической природы Полинезии, могущим дополнить наши сведения касательно проблематического материка Лемурии.

Но не в одном зоологическом отношении Новая Гвинея представляет такое большое поле для исследования. Она имеет также важное антропологическое и этнографическое значение, так как населена мало известной расой папуасов, положение которой в ряду прочих народов не выяснено.

Более изолированные и менее подверженные смешению с другими племенами, жители Новой Гвинеи могут оказаться исходной группой для сравнения с остальными темнокожими народами, разбросанными по Малайскому и Меланезийскому архипелагам. Новая Гвинея, по всей вероятности, сама населена не одним, а многими различными племенами.

Таковы были соображения, побудившие меня при обдумывании плана путешествия на о-ва Тихого океана избрать исходным пунктом Новую Гвинею. Между приведенными выше многочисленными вопросами я избрал в этнографическом отношении две задачи, которые, как мне кажется, следует решить прежде других, ибо они представляют большой общенаучный интерес. Во-первых, выяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам, почти еще не установленное и представляющееся мне очень важным. Во-вторых, по возможности по собственным наблюдениям, определить распространение этой расы сравнительно с остальными

ми племенами Тихого океана, держась того мнения, что благодаря этому этнология народов, населяющих о-ва Тихого океана, значительно разъяснится, тогда как теперь она представляет еще много спорного.

Так как я не хотел заниматься по зоологии систематикой и не имел склонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, то и цели, поставленные Уоллэсом, не могли руководить моим путешествием.

Работы же по сравнительной анатомии вполне оставляли мне свободу для последующей перемены места исследований, поэтому я и подчинил план своего странствования антропоэтнографическим целям, при которых у меня всегда останется время для специальных анатомических изысканий.

Решив это, я без долгих размышлений избрал Новую Гвинею первой станцией своего путешествия, как более трудную во всех отношениях, пока мои силы постепенно не ослабли от других напряжений.

Теперь мне следовало бы в кратких чертах остановиться на том, что известно о Новой Гвинее. Однако наши познания в этом отношении очень невелики, а кроме того, это уже сделано другими, тщательно собравшими те немногие сведения, которые разбросаны в разных сочинениях о путешествиях. Финш, например, собрал все касающееся Новой Гвинеи в отдельной книге. Замечу мимоходом, что в зоологическом отношении Новая Гвинея имеет свои особенности.

В цитированном уже неоднократно сочинений Бэра мы имеем отличную разработку данных касательно той части человеческого рода, которая населяет Новую Гвинею. Материал критически рассмотрен и разобран, и выдвинут ряд вопросов, ожидающих ответа.

Казалось бы, что таким образом вся научная литература о Новой Гвинее систематизирована, и мне остается только отправиться добывать новые факты. Однако я желал бы показать читателям, насколько еще не установилось антропологическое положение той расы, которую мне предстоит исследовать.

Не останавливаясь на первых работах о папуасах и на различных описаниях, разобранных Бэром, я прямо перейду к новейшим сведениям о них, относящимся к настоящему времени, рассматривающим предмет с точки зрения зоолога и лингвиста. Уоллэс, пробывший почти восемь лет в частых сношениях с папуасами и малайцами и, как сам выражается, постоянно наблюдавший их, очень энергически напирал на различие обоих племен, основываясь не только на их внешности, но и на их характере. Причисляя малайцев к народам Азии, Уоллэс объединяет папуасов с полинезийцами, которых вместе с жителями Австралии считает за остаток общей океанийской расы, населявшей некогда теперь покрытый водою материк.

Уоллэс говорит и об альфуру, отделяя их от папуасов и ставя ближе к малайцам, но не причисляя к последним. Он

предполагает, что они, как и малайцы, азиатского происхождения. Если бы на все это имелись доказательства, то этот вопрос о соотношении племен имел бы прекрасное решение. Однако очень трудно связать папуасов с полинезийцами, отличающимися от них и по языку и по наружности. Меньше затруднений представляет объединение австралийцев с папуасами.

Уоллэсу тем более было трудно разрешить эти вопросы, ибо он незнаком с полинезийцами и австралийцами по личным наблюдениям (по крайней мере, я нигде не находил у него в книге указания, что он был в Полинезии или Австралии).

Что же касается большого различия между малайцами и папуасами, на которое указывает Уоллэс, то после Блуменбаха почти все классификаторы человеческих племен всегда отделяли первых от последних.

Берег Маклая на Новой Гвинее

Первое пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее

(С сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

7/19 сентября 1871 г. Около 10 часов утра показался, наконец⁶, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи⁷. Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой

⁶ Выйдя из Кронштадта 8 ноября (н. ст.) 1870 г. и зайдя в Копенгаген, Плимут, о. Мадейру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунта Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпараисо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апию (на о. Уполу, одном из о-вов Самоа), о. Ротуму и порт Праслин (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о. Новой Гвинеи.

⁷ Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, т. е. в западно-северо-западном направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или в 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 футов высоты). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

Британии из порта Праслин (Новая Ирландия), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс короля Вильяма (King William), находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов). В проходе между о. Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета⁸.

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высотой приблизительно до 1000 футов) и представляла очень характерный вид. Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В

⁸ Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на поляне по скатам гор.

иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 час. вечера отделился недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а на берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места (нас пронесло около 90 сажен), мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединяясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября. За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; посередине их тянулись белые *strati* (слоистые облака). Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один

над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10 час. 30 мин., подвигаясь к зал. Астролябии, мы увидели перед собою 2 мыса: южный – мыс Риньи (Rigny) и северный – мыс Дюпере (Duperré), оба невысокие; второй далеко выдающийся в море⁹. Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к 12 мы были среди большого зал. Астролябии.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга¹⁰ Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П.

⁹ Мыс Дюпере, названный так Дюмон-Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей

¹⁰ В 18... [пропуск] П. Н. Назимов был произведен в контр-адмиралы.

Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в 70 от берега на 27 саженьях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого¹¹ скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительно занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собой один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но, когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, я попросил дать мне шлюпку без мат-

¹¹ У самого берега глубина была несколько сажен.

росов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кое-какие подарки – бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу, где я и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между со-

бою, никто из них не отваживался подойти к моей шлюпке. Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далеко виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса.

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Среди площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и *Coleus* оживляли общую картину леса, состояв-

шего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, ареновых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там – брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корой и заколочены накрест пластинами расколото-го бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми, – видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте 2 футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине темно, с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного горшка, на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, – человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, слышал-

ся шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти, однако же, скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из тряпки, шириной около 8 см, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betel*, за другую на левой руке – род ножа из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, – кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомого показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за

руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять разными мелочами – бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под кото-

рой сзади спускались на шею скрученные пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовалось несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке – бамбуковая палочка, толщиной в очень толстый карандаш, с вырезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. д., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которые были заткнуты различные предметы – у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти что в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиной, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Мо-

лодые были светлее старых.

Из этих восьми впервые встреченных мною папуасов четыре оказались больными: у двоих элифантиазис изуродовал по ноге; третий представлял интересный случай psoriasis'a, распространенного по всему телу; у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидевшими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов – следы, вероятно, таких же давнишних чирьев.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружающим меня папуасам сопровождать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топо-

ром перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу; Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили, и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

21 сентября. Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной высоты тянутся вдоль берега и только на западно-северо-западном берегу прерываются низменностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5–6 тысяч футов) покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянет-

ся невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами, а реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобной пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на расвете на мостике корвета и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; поэтому я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что я не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие;

навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шума, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив таким образом место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили туземцев больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле они то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга. Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор

был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было нелишним. Из трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко отсюда обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем посланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев (*Canarium commune*).

22, 23, 24, 25 сентября. Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую — для моих слуг Ульсона и Боя. Так как взятых с Таити досок не хватило, то стены были сделаны из дерева только наполовину, в нижней их части, для верхних же частей, равно как и для двух дверей, опять служил брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, куплен-

ного на Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние крепления, стропила пришлось вырубать и пригонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, испуганные пальбой 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2–3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили 5 или 6 прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли между прочим также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь генерал-адмирала и президента Русского географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом Витязь (впоследствии я узнал, что туземное имя его «Били-Били»).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания здесь корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая

вид, как бы рубит их)и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень – Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал о виденной мною пантомиме в кают-кампании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты на случай крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туй.

26 сентября. Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставлялась на Гвинею, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею не с целью кратковремен-

ного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет житья, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту. Я взял кое-что, но так мало, что П. Н. Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев, она же давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят

устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек 30 матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех – густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал между прочим командир и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.¹² Место это находилось под боль-

¹² Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправлявшиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), он при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где между прочим спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия на Новую Гвинею – научное исследование этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить на Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нравов туземцев, я из предосторожности запасаюсь несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом, чтобы русское военное судно зашло через год или несколько

шим деревом, недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов порт Константина – имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, – представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д.

К моему сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами – пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которым я очень благодарен за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно

лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни моих рукописей на Новой Гвинее. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 сентября. В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около 4 часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстно оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и, к удивлению и него-

дованию, увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храб-
рившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез и он ти-
хо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожащих рук флаг-
линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на
шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем
корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал
отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голо-
ву, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного ды-
мящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в
мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспо-
рядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно са-
мому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли
и труда. Действительно, как только корвет скрылся за гори-
зонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они
прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похо-
жи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и
те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в
мою сторону: вероятно, один из них заметил русский наци-
ональный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежа-
лись в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою
сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке
вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше, но
от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я на-
ходился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась,
ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет; не с прежним добродушием поглядывал он на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад и проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов тузем-

ного языка), и удалился. Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константи-на. Я им подарил разные безделушки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября. Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную – вечернюю (от 9 до 12 часов). Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (7 футов длины и 7 ширины) занимает стол (около 2 фу-

тов ширины), другую – две корзины, образующие мою койку (неполных два фута ширины). В проходе, шириной около 3 футов, помещается мое удобное, необходимое мне складное кресло. Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу. Бой (повар) приготавливал нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису. Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября. Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих им по ночам покоя насекомых.

30 сентября. Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам люблюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз

новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит всегда мне приятная тишина – не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует: я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, величие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее – отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны, и лес с тропической растительностью, с другой, – оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону, я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, чело-

век около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, шедшие за ними несли на головах посуду и, наконец, остальные – кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мною; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой моей вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили, из деликатности или боязни – не знаю. Все знали мое имя, обращаясь ко мне, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте – губной гармонике, которая в большом ходу на о-вах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли; при прощанье они протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элѳантиазис.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза; дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удоволь-

ствию, не промокла.

1 октября. Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень, — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе. Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Пустив его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня, но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером.

Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным. Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь, дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, напр., сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным ко всем любезностям папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушит все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее

становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение.

Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой – я не имел понятия. Слышалось несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться. Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду глядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему – значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было – они, вероятно, спрятались. Увидев меня, несколько копий были подняты и

некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около «барлы», и ко мне подошло несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла пущенные одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом – все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушать их спокойную жизнь.

Мне самому как-то стало неловко, зачем прихожу я стеснять этих людей? Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать;

кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянул-

ся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустил пояс и найти что-нибудь подложить под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки. Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на циновке или же во сне. Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом 2,3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки» (*Chlamydodera*), напротив, наводила сон; треск цикад также несколько не мешал, а способствовал сну. Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, в особенности

усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил идти домой и стал приводить свой костюм в порядок. Эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в 7 часов; в безлунные ночи темень страшная – шагах в четырех от дома трудно его отличить. Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие из них. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая

скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попало. Папуасы притащили мне 4–5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды. Туй. также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и, только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастать подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, еще явилось несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз

испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят еще на туземцев какое-то особенное впечатление — им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ждут появления чего-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.